

А

Н. Минский

Фридрих Ницше

Перечел произведения Ницше и странное все время испытывал чувство. Стоило отдаться чтению, и я сознавал, что наблюдаю явление, беспримерное по силе, по стремительности, по движению вперед, какую-то литературную Ниагару. Не видишь слов и фраз, а непосредственно созерцаешь освобожденную стихию мысли, летящую вперед, уносящую с собой. Но как только я прекращал чтение, чтобы мысленно оглянуться вокруг себя, я с удивлением видел, что бушевавшая стихия никуда не унесла, что ее движение вперед *было*, на самом деле, движением водопада, прикованным к одному и тому же месту, дерзновенным прыжком не со звезды на другую, а с камня на камень, с высоты нескольких саженей. Ницше не освободил меня не только от грубости и уродства столетий, но от грубости и уродства вчерашнего дня.

Вот, например, не дальше как сегодня утром, я в свежее отпечатанном номере газеты прочел, что немцы взяли в плен полтора ста китайцев, выстроили их в шеренгу и расстреляли. И тотчас мне вспомнились афоризмы Ницше: "Сострадание -- вот орудие нигилизма"... "Этот угнетающий и заразительный инстинкт находится в прямом противоречии с другими инстинктами, рассчитанными на сохранение и увеличение ценности жизни"... "Во имя инстинкта жизни следует отыскать такое болезнетворное и опасное скопление страдания, каким представляется философия Шопенгауэра (а равно весь литературный и художественный декаданс от Петербурга до Парижа, от Толстого до Вагнера), и нанести этому нарыву удар, дабы он лопнул... Нет ничего болезнетворнее, среди нашей болезнетворной современности, чем христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом, -- вот, что достойно нас, вот наша манера проявлять человеколюбие, вот, в чем мы -- философы, мы -- гиперборейцы". И в другом месте: "На что бы понадобилось божество, чуждое гнева, мстительности, зависти, презрения, хитрости и насилия? Божество, ни разу не изведавшее упоительного пыла победы и разрушения?" И еще в третьем месте: "Князь во главе своих полков, -- какое великолепное воплощение самолюбия и самовозвеличения целого народа"... Взятые сами по себе, эти афоризмы не кажутся ли дерзкими и новыми? Но вот я соединяю мысленно все эти дерзновенные и новые идеи: смертельный удар, нанесенный состраданию, божество, упоенное победой и разрушением, и великолепие князя, парадующего во главе своих полков, и неожиданно для себя, вдруг в результате получаю выстроенных в шеренгу военнопленных и в двадцати шагах против них другую шеренгу победителей. ("Мы -- философы! Мы -- гиперборейцы!") Как-то случилось, что прыгая со звезды на звезду, идеалы Ницше очутились среди грубой и нелепой действительности вчерашнего дня. Не приходится даже прибегать к слишком легкому и поэтому пошлому и дешевому приему -- к объяснению идей автора его национальностью или происхождением. Разве одни немцы поступают по-ницшеански? А испанцы на Кубе, англичане в Южной Африке, турки в Армении? И если все они -- "философы и гиперборейцы", то чем не философ и не гипербореец тот фельдфебель, которого Скалозуб хотел дать в Вольтеры русским вольнодумцам?

Но, сопоставляя таким образом идеи Ницше с грубыми фактами войны и политики, не совершаю ли я несправедливости по отношению к теоретику-философу, не низвожу ли его насильно в низшую сферу, в которой никогда не жила его мысль? Ведь сам Ницше говорил о политической жизни народов не иначе, как с высокомерием и насмешкой и даже уверял, что немцы оттого так плохо понимают его философию, что слишком возятся со своей новорожденной империей. Но вот мне вспоминается одно его любопытное признание. Нападая на современное общество за приверженность, хотя бы только на словах, к учению Христа, Ницше восклицает? "Куда делось последнее чувство приличия, уважение к самому себе, если *даже* наши государственные люди, эта во всем прочем мало стесняющаяся порода людей, *эти вполне и насквозь антихристы в своих поступках*, -- если даже они называют себя христианами". Итак, сам Ницше признает, что новый идеал антихриста, который он несет миру, уже воплощен в поступках государственными людьми его родины. Нет, не могу победить в себе чувство недоверия к философу, который того и гляди проведет меня не то перед фронт солдат, не то в канцелярию государственных мужей. Боюсь Ницше, боюсь не столько новой его лжи и неправды, сколько возврата с ним к старому и пережитому. Все, только не прежнее, не прежняя любовь и не прежняя жестокость, ибо жаждет душа новой земли и нового неба.

Чем глубже вдумываюсь в мирозерцание Ницше, тем яснее вижу бездну, которая отделяет его от моей души и, кажется, от души всякого, кто сознательно примыкает к великому символическому движению современной литературы, хотя, по странному недоразумению, Ницше считается одним из